Живых фронтовиков сегодня осталось крайне мало. А мой отец, закончивший войну старшим сержантом, помкомвзвода, ушёл в мир иной ещё в июле 1999-го...

До выхода на пенсию мы чаще озабочены текущим днём и его насущными проблемами, многое иное откладывая «на потом». И как часто потом оказывается, что опоздали, упустили возможность расспросить родителей о важном, главном... Недодали подарившим нам жизнь заботы, внимания, тепла. Недожалели, не уберегли. Увы… Но хоть о чём-то, сугубо значимом, насущном для них, узнать-таки удалось.

Отец мой, Михаил Фёдорович Ошевнев, вырос в селе Девица, в глубинке Центрального Черноземья. Десятилетку окончил в 1942-м, восемнадцать лет ему сравнялось 23 января 1943-го. А назавтра в сельсовете парню вручили повестку из райвоенкомата, обязующую прибыть туда через день. На обороте бланка было указано: «Остричься наголо, иметь с собой документы, нательное бельё и продукты». Ниже, нелепым пунктом, стояло: «Громоздких вещей с собой не брать».

Отец призывника, до войны колхозный молотобоец, к тому времени более года числился пропавшим без вести где-то под Смоленском. Теперь настал черед сына заменить родителя на защите Родины.

Поначалу новобранец попал в учебные лагеря, развёрнутые на территории бывшей Троице-Сергиевой лавры. Крупнейший мужской монастырь был закрыт еще в 1920-м, а часть его помещений перестроена под жильё и склады. Но в 1940-м постановлением Совнаркома комплекс зданий в черте крепостных стен объявили государственным музеем-заповедником, на восстановление памятника старины выделили немалые средства, и вскоре начались реставрационные работы. Вот только война сразу внесла жёсткие коррективы...

Тесно расквартированная по бывшим монастырским кельям армейская молодёжь настойчиво обучалась азам военного ремесла. К сожалению, о деталях первых дней срочной службы отец упоминал мало. Мне запомнились какие-то вовсе не относящиеся к боевой подготовке моменты. Скажем, что по ночам спящих сильно донимали полчища клопов, гнездившихся в старых матрасах.

И ещё отложилось в памяти, как отец отмечал, что кормили солдат в тыловой части скудно. Основу рациона составляли ржаной обойный хлеб, крупы и макароны, картофель и овощи. Мяса и рыбы причиталось совсем чуть. Плюс неизменный чай и по три куска сахара на день к нему. (О махорке и мыле речь сейчас не идёт.)

Сливочного масла и других молочных продуктов, консервов, печенья и фруктов, а также, замечу особо – яиц, рядовому составу не полагалось. Масло, печенье и рыбные консервы выделяли лишь среднему и высшему начальствующему составу, впрочем, совсем в малом количестве, разве что губы помазать.

Усиленный паёк тогда получал только лётно-технический состав ВВС. Для особой же категории – боевых расчётов экипажей самолётов – предусматривался не только ржаной, но и белый хлеб, по двести граммов свежего молока, двадцать граммов сгущёнки, творога и сыра, десять–сметаны и сухофрукты для компота. Лётная норма включала ещё пол-яйца в сутки; то есть крутое яйцо дополняло завтрак через день.

Отец рос единственным ребёнком в семье. Почему так случилось? Слышал, как моя мать говорила, что у её свекрови были проблемы по женской части. Родители его всегда держали корову, кабанчика, кур, кроликов. Последних – чтобы их мясом рассчитываться перед государством за право иметь в личном хозяйстве бурёнку - за неё с любого двора взимали по двести пятьдесят литров молока и по восемь кило масла в год, да плюс к натуральному оброку добавлялся денежный, в сумме пятьдесят рублей. Госпоставки включали ещё фиксированное количество тех же кроличьих шкурок, картофеля, овощей, яиц и других продуктов, полученных со всякого приусадебного участка. И это – помимо единого сельхозналога! Реальное же состояние хозяйств просто не учитывалось. Порой

неподъёмные налоги отдавать было нечем, и тогда фининспекторы безжалостно отбирали скотину, обрекая семью на нищенство.

То небольшое количества молока, которое всё-таки оставалось, большей части шло на переработку с дальнейшей продажей: ведь для животных нужно было покупать корма, да и многие прочие расходы накладывались. На трудодни-то деньгами выдавались копейки… Так что, если и водились в доме сметана, творог и масло (сыра никогда не варили), то далеко не каждый день. Где уж, чтоб досыта ими наесться... То же касалось и яиц.

Ах, какие блинцы творила отцова мать по праздникам! По старинному рецепту, на чугунной сковороде. Из взбитых отдельно яичных белков и желтков с сахаром, в которые, соединённые, добавлялись тёплое молоко и масло и затем мука, – так, чтобы тесто вышло жидким. Половником она лила его на край сковороды, ловко вращала её – и тесто равномерно растекалось по раскалённой поверхности чугунины. Выпеченные блинцы собирались в стопку, промазывались топлёным маслом и перекладывались мелко нарубленными крутыми яйцами.

Коронным же блюдом была яичница-глазунья. Непременно из свежих яиц, жареная на сливочном масле в той же сковороде и украшенная затем зеленью. Такое яство отец предпочитал даже мясной пище. Однако любимым кушаньем его баловали редко, а с началом войны и уходом на фронт кормильца семье и вовсе пришлось как никогда тяжко – впрочем, равно как и другим односельчанам.

И вот теперь, на армейской службе, в темпе поедая в столовой жидкий борщ или суп и перловку-кирзуху либо рис, лишь слегка сдобренный тушёнкой, при полном отсутствии богатых белками продуктов, отец не раз вспоминал домашнюю глазунью. И блинцы с сытной прослойкой, и сметану, и масло, и творог… Ему и его сослуживцам, ещё растущим парням, урезанной продовольственной нормы военных лет катастрофически не хватало. Столовую они всегда покидали полуголодными.

О счастье сытости им оставалось лишь мечтать. Пусть каждому на свой лад, поскольку призывалась молодёжь со всех концов страны. Ведь у всякого народа, в той или иной местности всегда есть свои любимые блюда. Их-то постоянно и рисовало воображение. Голод не покидал воинов, утвердился в сознании особым состоянием, напрямую влиял на чувства и ощущения, по сути, слился с людьми.

Отец в своих «едовых» фантазиях наичаще представлял огромную сковороду с глазуньей из двадцати яиц. Откуда взялось это круглое число, не задумывался. Но в аккурат столько – ни больше, ни меньше! И как он, не спеша, один за одним, с аппетитом наворачивает поджаренные желтки, заедая их блинцами и запивая домашним молоком…Ну, что ещё в те грозные дни могло казаться в жизни прекраснее?

Эх, мечты, мечты… А наяву – начальные признаки истощения: потеря веса, общая слабость, быстрая утомляемость. Среди дня накатывала сонливость. Иные из бойцов легко простужались, кого-то мутило, у самых хилых начинали отекать ноги.

И ничего нельзя было с этим поделать…

Отдельной темой. Во время войны особое внимание уделялось солдатским письмам – единственной ниточке связи с домом. Послание от родных могло как поднять боевой дух, так и серьёзно подкосить воина. Посему любое письмо на фронт и с фронта проходило тотальную цензуру. В целях секретности запрещалось указывать дислокацию части, её вооружение, имена командиров, иные сведения, по которым можно было бы раскрыть подразделение. Но ведь и посвящать домашних в тяготы службы строжайше не дозволялось! «Никаких упадочных настроений!» – В первый же день указал замполит. Оттого-то, в основном сообщали о погоде, заверяли, что любят дорогих сердцу людей, и что в части «кругом всё хорошо», – с рекомендуемым уточнением: «а кормят сытно, вкусно, лучше, чем дома».

…В непрерывной борьбе с недоеданием прошла зима и часть весны. К маю отца как окончившего десятилетку направили на обучение в Моршанское военное стрелково-миномётное училище, готовившее младших командиров. Многие его преподаватели уже понюхали пороху и теперь умело передавали подчинённым богатый боевой опыт.

Занимались миномётчики по десять часов в сутки плюс два – самоподготовки, совмещая учёбу с несением гарнизонной службы и во внутренних нарядах. Осваивали многие виды вооружений: от винтовки Мосина до миномётов различных систем. Изучали тактику, инженерное дело, топографию, санитарное дело. Но особое внимание уделялось огневой подготовке. Пулёмет «максим» каждый знал до последнего винтика и мог применить его в различных видах боя.

Однако продовольственное обеспечение курсантов оставалось таким же бедным, как и раньше, в военных лагерях. При огромной физической нагрузке будущие командиры питались по той же тыловой норме. Однообразно, малокалорийно, почти впроголодь. (Теперь уже не секрет, что это являлось нормой жизни и для других армейских училищ.) Отсюда извечная тема курсантских разговоров: «Скорей бы на фронт, уж там-то точно получше кормят». Зачастую писали рапорты о досрочной отправке на театр военных действий – мнилось, что в реальной боевой обстановке вся жизнь изменится, а ежедневный смертельный риск горячие головы не брали в расчёт. По молодости-то многие убеждены в своей счастливой звезде. Но цифры потерь беспощадны: за 1942–1945 годы только Моршанское военное училище подготовило для Красной Армии более десяти тысяч офицеров, и почти девяносто процентов из них погибли в боях. В те дни «Я» стало незначащим, его заменило могучее «Мы». Ведь единственным смыслом жизни всех фронтовиков было спасение Родины любой ценой, разгром клятого врага…

При всём при том мечта о вожделенной двухдесяточной глазунье так и не покидала бойца, заявляя о себе то во время напряженной учебы или на физподготовке, то при несении «нарядной» службы или на хозработах, а порой даже в койке, перед глубоким сном.

Отцу не суждено оказалось окончить курс обучения полностью: фронт настойчиво требовал людей. Вместо погон младшего лейтенанта ему и его однокашникам вручили сержантские, торжественно напутствовали на городском стадионе – и вот уже набирающий скорость состав с необстрелянными бойцами отправился в пекло сражений…

Новоиспеченный сержант Михаил Ошевнев прибыл на 3-й Украинский фронт, в один из моторизированных миномётных полков, и там командовал расчётом 122-мм миномета. Вскоре он заслужил свою первую боевую награду – нагрудный знак «Отличный миномётчик».

К сожалению, об этом, достаточно длинном – по фронтовым меркам –периоде армейской жизни отца не знаю практически ничего.

Помню только, как он упоминал, что в десантные войска попал осенью 1944-го. Много позднее, призвав на помощь Интернет, я узнал, что как раз тогда в составе ВДВ была создана Отдельная гвардейская воздушно-десантная армия. В один из её корпусов входила 8-я Гвардейская Первомайская воздушно-десантная дивизия, прибывшая с Воронежского фронта для доукомплектования. Затем – в связи с расформированием армии в конце декабря – соединение было переименовано в 107-ю Гвардейскую Первомайскую стрелковую дивизию. В её составе был 352-й Гвардейский стрелковый полк (гсп), где в миномётной роте отец в дальнейшем воевал командиром отделения.

В феврале-марте 1945-го он с боями прошёл немалую часть Венгрии. Но так уж вышло, что за те сражения к правительственным наградам представлен не был.

Зато о дальнейшем его боевом пути, уже по Австрии, поведали наградные листы, которые моя дочь нашла в сети (орфография и пунктуация их сохранены):

«Тов. Ошевнев М.Ф. в бою 3 апреля 1945 года за город Винер Нойшдадт проявил смелость и отвагу. Его миномётный расчёт всё время в бою действовал неотступно со стрелковыми подразделениями. Подавлены 2 вражеские пулёметные точки противника и уничтожена одна немецкая миномётная батарея, тем самым было обеспечено дальнейшее продвижение батальона.

Достоин Правительственной награды ордена «Красная Звезда».

Командир 352 гсп гвардии подполковник Шутов».

А также:

«Тов. Ошевнев Михаил Фёдорович в боях 10-12 апреля с/г в городе Вена действовал

мужественно и отважно. При форсировании Мало-Дунайского канала, он подавил 3 огневых точки противника, тем самым обеспечил продвижение наших стрелковых подразделений. При отражении вражеских контратак огнём из миномёта уничтожил 2 расчёта станковых пулемётов и до 25 немецких солдат и офицеров.

Достоин Правительственной награды ордена «Славы» III степени.

Командир 352 гсп гвардии подполковник Шутов».

Сам же отец рассказывал, что перед Венской наступательной операцией, начавшейся 5 апреля, город представлял собой настоящую крепость. На подходе к нему были отрыты сплошные противотанковые рвы, улицы пересекали баррикады, каменные дома напичканы огневыми точками, мосты минированы. В ожесточённых боях немцы не раз пытались контратаковать. Бои шли за каждый квартал, за любое здание, не стихая ни днем, ни ночью. И лишь 13 апреля, после решающего штурма, столица Австрии наконец была освобождена полностью.

Позднее учредили медаль «За взятие Вены», и отец был награжден ею – как раз вместе с вручением двух вышеназванных орденов, уже летом 1945-го.

Однажды он упомянул, что незадолго перед Венской операцией у него пропала опасная бритва. Сам потерял либо кто-то под шумок тиснул – случалось на фронте, увы, и такое, – в общем-то, сути не меняло. Щетина у него росла густая и быстро – бриться начал с четырнадцати лет – а командиры требовали от бойцов, ко всему прочему, и «опрятного внешнего вида». Вот и приходилось одалживать личное средство гигиены то у одного, то у другого сослуживца. «Опаску» давали, но явно нехотя. А магазина мужских принадлежностей поблизости не наблюдалось…

И вот, в один из дней штурма Вены, отец и ещё несколько солдат прочёсывали богатый двухэтажный дом, ища затаившихся врагов. Ни их, ни хозяев особняка не обнаружили. Зато в ванной отец углядел на полочке под зеркалом две опасные бритвы «Solingen». И ещё станок для бритья: стальной, с тяжёлой рукояткой, богато украшенной мелкой резьбой. В самом низу рукоятки, по окружности, шла тончайшая гравировка: «ASANPatentColonna». Станок вкладывался в защёлкивающуюся металлическую коробочку, выстланную фиолетовым бархатом. Внутри неё имелись два миниатюрных ящичка, открытых с торца, – для хранения безопасных лезвий. И ящички, и коробочка – никелированные. Бритвы и станок, с коробочкой для переноски, отец забрал в качестве трофеев. Впоследствии, на 40-летие Победы, на память о своём фронтовом прошлом, этот станок он подарил мне, как раз приехавшему к родителям в отпуск.

Нештатный момент меж боями. Перед форсированием Мало-Дунайского канала бойцы миномётной роты стали свидетелями зрелища не для слабонервных. На берегу лежала туша убитой и уже разлагающейся лошади. Из канала на влекущий запах устремились сотни раков. Они едва ли не полностью облепили убоину шевелящимся ковром, а из воды спешили всё новые членистоногие, желающие полакомиться падалью, и бесконечной колонной маршировали к «ароматной» пище.

Лишь малая деталь изнаночной стороны войны, во всей её омерзительности.

Ни один из солдат тогда на дармовую армию усачей не польстился. Отец после этого случая раков уже не ел, хотя раньше, подростком, с товарищами не раз вылавливали их из деревенской речушки и варили в ведре на костре.

Надо сказать, что к тому времени его личная «едовая» мечта не столь часто уже напоминала о себе. В боевых условиях питались, и верно, лучше, чем в тылу.

Тогда вся страна работала на фронт, и туда же направлялась основная масса продовольствия. Десятки тысяч армейских поваров старались улучшить и разнообразить рацион бойцов. И немало ветеранов с годами уверяли, что вкус военных каш был отменным и несравним ни с каким деликатесом.

Довелось отцу отведать и трофейных продуктов из немецких сухих пайков. Супа из непривычного горохового концентрата, мясных консервов и сардин, консервированной колбасы и голландского сыра, кофе с добавкой цикория и ещё – шоколадных батончиков. И вовсе не понравились, горьковаты… А один из батиных сослуживцев, успевший повоевать в Германии и переведённый в миномётную роту после ранения, рассказывал, что немцы широко производят маринованные куриные яйца, которые закатывают в банки, и ему однажды выпало попробовать этот причудливый харч. На вкус ненашенский разносол оказался не ахти.

– Какие же фрицы идиоты, добро на говно переводить! – Возмутился тогда отец. – Да разве можно яичные консервы – и с глазуньей, с пылу, с жару – сравнить?! К тому же маринад, наверняка, во многом витамины убивает.

– Каждому своё, – заметил сослуживец. – И не совсем в строку добавил –Оно ведь, что русскому хорошо, то немцу смерть. Вот от русской руки он свою смерть скоро и примет…

Теперь – об особом жизненном событии тех фронтовых лет. Апрельским вечером, накануне боя у подножья Австрийских Альп, отца принимали в члены ВКП(б). Уже взрослым я однажды спросил: как сформулировал он в своём заявлении причину, почему хочет стать коммунистом?

– Странный ты какой-то вопрос задал, сын, – ответил тогда папа. – В то время все бойцы писали одинаково: «Чтобы ещё лучше и больше бить фашистов…».

Сам я, отслужив несколько лет командиром взвода в учебном полку, куда попал после гражданского вуза – таких не прошедших военное училище офицеров кадровые армейцы едко именуют «пиджаками» – в КПСС не стремился. Но вот летом 1985-го меня вызвал к себе начальник политического отдела и огорошил вопросом: а до каких ещё пор я буду шлангом прикидываться? Я сразу и не понял, куда именно клонит подполковник. Но тут он взял быка за рога:

– Ты почему в партию не вступаешь?

Я стал объяснять, что, мол, пока не созрел носить высокое звание коммуниста… На деле же прекрасно понимал, что в армии в случае проколов всегда отчитывают и наказывают дважды: как по командирской линии, так и по партийной. Да и с беспартийного (из комсомола уже выбыл по возрасту) спрос всегда меньше.

– Вот я и говорю: шланг, да ещё гофрированный, – гнул свою линию начпо. – Звание капитана получил, в Литературный институт поступил, а как в партию, так «не созрел»?! Ты мне тут ваньку-то не валяй! Авторучка с собой?.. Вот и отлично. Немедля пиши заявление!

– Мне ещё подумать надо… – сделал я жалкую попытку вырваться из цепких лап «ставленника ЦК», как кичливо именовал сам себя подполковник.

– Пока не напишешь, из кабинета не выпущу! – Зло рявкнул он.

Я сдался и написал. Теперь, через много лет, понимаю: не получи я через год партбилет, меня бы не перевели впоследствии в окружную газету. Вообще никогда бы туда не взяли. Все военные журналисты обязаны были быть партийными!

Согласитесь, абсолютно разные у нас с отцом оказались причины влиться «в первые ряды строителей коммунизма».

Победу отец встретил в Чехословакии…

А 23 июня 1945-го вышел Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». Согласно ему, в последнюю, шестую очередь из Вооруженных Сил в феврале-марте 1948-го должны были уволить всех бойцов 1925 года рождения. Пока же поди-ка, старший сержант Михаил Ошевнев, ещё послужи. В Звенигородке, Черкасской области и снова в десантной части.

В первый же свой после призыва отпуск на малую родину отец прибыл лишь в конце

сентября 1947-го .Со слезами встретившая его, сильно постаревшая за годы расставания мать – а ей не исполнилось тогда ещё и сорока пяти –сообщила, что уже дважды ездила в облвоенкомат, в Воронеж, но никаких сведений о пропавшем без вести муже так и нет, – и уткнулась в сыновью широкую грудь, на которой тихо звякнули фронтовые награды…

На следующий день, по случаю приезда отца, состоялось скромное застолье, на которое были приглашены родственники.

На той трапезе виновник торжества и поведал гостям о своем заветном армейском желании. А мать это запомнила. И два дня спустя, усадив сына завтракать, торжественно поставила перед ним большущую сковороду с приготовленной на сливочном масле глазуньей, щедро украшенной петрушкой и луком. Часть яиц ей пришлось занять у соседок, чтобы все утрешние были…

Радость, праздник, эйфория! Отец сидел в родной избе, помнившей его первые шаги, рядом стояла дождавшаяся наконец-то сына с войны счастливая мать, всё крестившаяся на простенькие фольговые иконы в переднем углу – бабушка была истово верующей (увы, она умерла, так и не узнав о судьбе мужа; сведения же о пленении деда и его гибели в концлагере в апреле 1942-го я лишь в третьем тысячелетии разыскал через Интернет), а на столе перед ним – воплощение его голодных грёз пороховых лет…

Спасибо тебе, самая лучшая на свете мама…

Есть такой махровый литературный штамп: «Ком подступил к горлу». Это случается при сильном волнении, вызывающем спазм мышц гортани. У отца тогда так и произошло. Чтобы успокоиться, ему пришлось выхлебать кружку колодезной воды. Затем он невольно, почти по-детски, пересчитал цельные желтки. Да, ровно двадцать! И, вооружившись старинной вилкой с деревянной ручкой и большим куском ржаного хлеба домашней выпечки, принялся за явно удавшуюся глазунью, время от времени прихлёбывая из стакана свежего молока…

Вот съеден первый желток… третий… пятый… Странное дело – возникшее чувство эйфории угасало с каждым проглоченным яйцом. Шестой желток… седьмой…Зато нарастало душевное опустошение: на глазах исчезало то, что в мыслях так долго желалось получить. А взамен рождалась горечь утраты, потери своебытного лучика жизни. Восьмой… девятый желток… Мечта по-своему вдохновляла, но ведь совсем не ради того, чтобы в итоге от пуза нажраться любимой пищей, воевал он сам и канул в небытие его отец, а мать, на пределе сил, пласталась в тылу, внося свой крестьянский вклад в Победу!

Десятый желток был последним, который, принудив себя, одолел папа. Поблагодарил мать, уговаривавшую сына покушать ещё: мол, ведь ты так хотел яичницы, съел же лишь половину сковороды…

Но он решительно отказался, оставив «недоеденную мечту» на столе, вышел из избы и присел на лавочку в палисаднике, меж двух берёз, которые на следующий день после свадьбы посадили родители. Почти за четверть века белоствольные деревья вымахали метров на пятнадцать, если не выше.

Отец чувствовал себя смятенно, сознание противилось происшедшему.

«Так чтобы убить желаемое, его просто надо целиком исполнить?» –Непривычно размышлял он.

До конца разобраться с безрадостным свершением вожделенного он так и не смог. Но это-то как раз было жизненно, обыденно. Никто ведь не обязан постоянно уяснять свои поступки – в данности всё обстоит куда проще. Деревенский парень, пусть и прошедший фронт, отец тогда не догадывался, что в создании «глазуньичной» фантазии участвовала лишь куцая часть его психики, без конца подпитываемая голодом. Это не хорошо и не плохо, подобное случается сплошь и рядом. И над такими ситуациями «не постижения себя самого» нет смысла напрягаться. На лавочке же, под берёзами, он лишь трудно, надрывно принял, что его давняя армейская мечта умерла и похоронена тихо, без почестей.

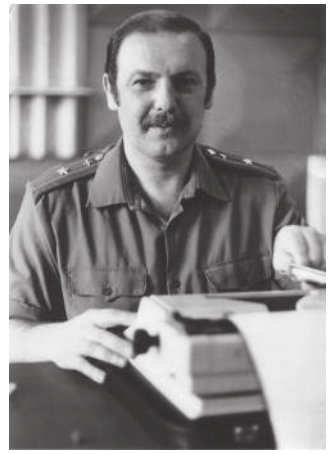
И ещё: взамен образовавшейся душевной пустоты непременно следовало искать что-то новое и более значимое. Или, другими словами, активно жить дальше!

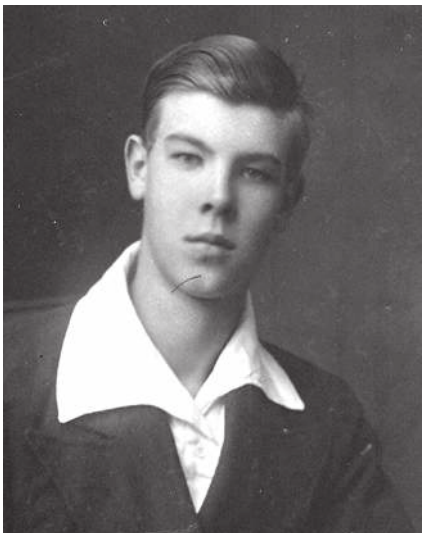
Именно в тот день было принято важнейшее решение: после демобилизации поступать в

пединститут, на исторический факультет.

Отец пока не знал, что ему придется отслужить в войсках ещё два с половиной года. Командование части никак не желало его отпускать, открыто нарушая сроки демобилизации… Ведь к тому времени он стал лучшим старшиной роты в полку. Вот его всяко и склоняли остаться в армейских рядах на постоянной основе. Так что уволиться на гражданку ему удалось лишь в апреле 1950-го.

Поступить в вуз, с учётом боевого прошлого, оказалось не столь ужи трудно. Зато учиться все годы только на «отлично», вести большую общественную деятельность, участвовать в работе учёного совета – выборным представителем от студенчества, – и на третьем курсе стать Сталинским стипендиатом… - вот это потребовало колоссальных усилий. А дальше предстояло создать семью. Завести детей. Достойно вырастить их. После прохождения военных сборов в 1956-м и присвоения звания лейтенанта, постоянно сотрудничать с райвоенкоматом и, уже числясь в запасе, дорасти до подполковника. Тридцать лет сполна отдать служению учителя в сельскохозяйственном техникуме, в райцентре Усмань Липецкой области. Да и много чего другого сделать в новой, победительной жизни. Впрочем, это уже были именно дела, а не мечты.





А воспоминания о голоде военного лихолетья жили в памяти фронтовиков и тружеников тыла, верно, до конца их дней…

Фёдор ОШЕВНЕВ
Ростов-на-Дону,

На снимках:

5 июля 1942. Михаил Ошевнев, выпускник средней школы № 2 г. Усмани.

27 сентября 1947. Гвардии старший сержант М.Ф. Ошевнев с невестой – позднее, супругой – И.И. Стрельниковой, много лет проработавшей заместителем главврача Усманской районной больницы.

8 мая 1990. Подполковник в отставке М.Ф. Ошевнев накануне Дня Победы.